УДК 316.346.2:316.422.035.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОАНАЛИЗ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА: ВЫЗОВЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Кранзеева Елена Анатольевна,
elkranzeeva@mail.ru

Кемеровский государственный университет,
Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Кранзеева Елена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета.

Актуальность *исследования обусловлена вниманием к «новым неравенствам» и их измерениям с точки зрения микросоциологического анализа. Автором отмечено, что структурированная индивидуализация, означающая принцип формирования биографических траекторий, при котором влияние социальных обстоятельств сосуществует с субъектными факторами, может быть применена к гендерным неравенствам.* ***Цель*** *работы – обозначить проявления структурированной индивидуализации через призму гендерных изменений.* ***Методы:*** *сравнительный анализ и анализ статистических данных, которые позволяют выявить зависимость между биографическими траекториями и релевантными структурными факторами. Проявление структурированной индивидуализации рассматривается через дестандартизацию биографий и их дифференциацию. В результате выявлены признаки дестандартизации трудовых и семейных биографий современных женщин. Для России они выражаются в появлении новых гендерных контрактов, изменении брачного поведения и материнства. Материнство в современном российском обществе – результат наследия воздействия советской политики, а также социальных и экономических изменений, наряду с распространением новых направлений родительства и материнства (суррогатное материнство, чайлд-фри, интенсивное или профессиональное материнство). Индивидуализация проявляется неодинаково для мужчин и женщин даже внутри социальных групп. Описанные в статье тенденции дестандартизации биографий не являются исчерпывающими. Новые социальные практики, например изменение срока выхода на пенсию, которые будут еще больше трансформировать трудовые и семейные биографии, также нуждаются в изучении. Индивидуалистический подход, несмотря на его ограничения, может претендовать на роль инструмента социально-структурного анализа современного общества.*

Ключевые слова: *Структурированная индивидуализация, женщины, трудовые биографии, семейные биографии, материнство, дестандартизация биографий, флексибильность.*

Актуальность исследования неравенства связана прежде всего не только и не столько с наличием абсолютных неравенств (например, бедность – богатство), а с возникновением так называемых «новых неравенств», обусловленных не ресурсами, а целями существования.

Универсальными характеристиками стратификации, определяющими социальный статус индивида, являются доход, власть, образование (М. Вебер, К. Маркс, П. Сорокин, П. Бурдье и др.). Исследования неравенства с его традиционными измерителями были дополнены новыми: гендер [1, 2], раса [3, 4], возраст, этническая и религиозная принадлежность, гражданство и другие различители [5, 6].

Во всей совокупности существующих в обществе социальных неравенств З.Т. Голенкова и др. выделяют неравенства первого и второго уровня. Первые являются нера-

 DOI 10.18799/26584956/2020/3(38)/1032

венствами системного характера. К ним относятся экономические, политические, социально-статусные, распределительные, властные и т. д. Неравенства второго уровня имеют отношение к индивидуальным свойствам и возможностям личности [7]. Все чаще исследователи указывают на то, что измерения неравенства следует соотносить друг с другом, исследовать их взаимопересечения [8, 9, 10]. Наиболее фактурно эти пересечения проявляются в повседневной жизни. В микросоциологических теориях попытка анализа предпринимается в концепциях этнометодологии, интеракционизма, конверсанализа и др.

В настоящее время все большее распространение получает теория индивидуализации, где она выступает как структурный феномен, находящийся в зависимости от фундаментальных общественных структур и долгосрочных изменений жизненных шансов и биографических опций, может принимать самые разные формы и протекать с разной интенсивностью [11]. Тем самым предлагается новый поворот дискуссии о социальном порядке в соотношении влияния структурного и индивидуального.

О существовании индивидуализации в обществе писали еще классики социологии (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс). Однако в ранних теориях индивидуализация отождествлялась с негативными последствиями наступления современности – аномией, отчуждением. Состояние индивидуализации предлагалось как аномалия, а не как осознанное конструирование биографии. В начале 1990-х гг. исследования зафиксировали новый скачок индивидуализации, связанной с экзистенциальной ситуацией. В этой ситуации значительная часть населения утратила не только те ресурсы, которые были накоплены за предшествующий период, но и надежду на то, что жизнь может вернуться в русло нормальности. Респонденты подчеркивали, что борются с негативными обстоятельствами в одиночку, даже самые близкие люди казались в то время ненадежной опорой, несоразмерной переносимым тяготам. Эта индивидуализация самопотери не имеет ничего общего с индивидуализацией «второй современности». В состоянии вынужденной рефлексии оказались люди, которые конструируют жизненный маршрут в обществе, пережившем социальный или экономический коллапс [12, 13].

Понятие индивидуализации становится «основным структурирующим принципом» современности, широко представленным в работах У. Бека [14], З. Баумана [15], Э. Гидденса [16].

П. Бергер, рассуждающий о применении категории «индивидуализация» в исследованиях социальной структуры, замечает, что биографии людей в современных обществах становятся все менее универсальными, а группы, членами которых они себя ощущают, уже не детерминируются их принадлежностью к «объективным» слоям и классам, выделяемым на основании данных о социально-экономическом статусе [11].

В современной социологии закрепляется понятие структурированной индивидуализации, означающее принцип формирования биографических траекторий, при котором влияние социальных обстоятельств сосуществует с субъектными факторами [17].

Интересным это соотношение представляется на примере гендерных пределов индивидуализации. Цель данной статьи – обозначить проявления структурированной индивидуализации через призму гендерных изменений.

Использование сравнительного анализа и статистических данных позволяет выявить зависимость между биографическими траекториями и релевантными структурными факторами. Возможным проявлением структурированной индивидуализации для нас будет, во-первых, дестандартизация биографий (появление новых траекторий и их разнообразие), во-вторых, дифференциация (разнообразие жизненных ситуаций в пределах одной траектории).

В последние десятилетия XX в. женщинам, наряду с декларированными правами, представились реальные возможности в образовательной, трудовой и управленческой сферах. Несомненно, такие изменения во многом улучшили жизнь женщин, повысили их уровень жизни и дали им большую экономическую независимость [18–21]. Однако эти достижения имеют и обратную сторону: могут появиться новые формы гендерного неравенства.

Г.Г. Силласте, характеризуя изменения гендерных процессов, обозначает их как социогендерные транзиции [22], фиксирует распространение социальных рисков нового гендерного порядка для баланса структуры общества и важнейших институтов воспроизводства: семьи и материнства, родительства и отцовства, а также детства [23].

Анализ литературы позволил выявить нам следующие изменения трудовых биографий. Исследователи отмечают, что в США биографии женщин стали не менее, а более стандартизованными и однородными [24]. Траектория полного непрерывного трудоустройства, независимо от семейного положения, становится стандартом [25]. Замечено, что разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами является самым большим в стабильно высокой траектории занятости и сокращается среди траекторий с более длительным периодом безработицы [26].

Для жительниц европейских стран, в частности Германии, трудовые биографии стали разнообразнее. Закрепляются «прерывистые» траектории с большим чередованием периодов полной, частичной занятости и незанятости, связанной с семейной жизнью [11]. Исследователи отмечают, что за последние 15 лет гораздо больше женщин сочетают оплачиваемую работу с уходом за детьми и другими обязанностями, что создает новую напряженность для семей. Если большая вовлеченность женщин в работу вне дома не сопровождается более справедливым распределением работы по дому, они могут получить двойное бремя оплачиваемой и неоплачиваемой работы. Если адекватная забота о детях и другие виды поддержки семьи не оказываются, семейная жизнь может оказаться под угрозой и могут возникнуть конфликты между требованиями работы и дома [26].

Для России трудовая занятость женщин всегда была высокой [27, 28], но и здесь происходят изменения. Е.А. Здравомыслова, А. Темкина на примере динамики гендерных контрактов показывают, как меняются традиционные модели разделения труда между сферой оплачиваемой занятости и домохозяйством и в каждой из этих сфер [29].

На фоне изменения трудовых биографий происходят трансформации и семейных, которые проявляются в траекториях замужества и материнства. Так, в США все больше женщин отказываются от традиционных многолетних браков, растет число разводов, сроки замужества отодвигаются все дальше [30]. Стабильность трудовых и нестабильность семейных биографий отражает баланс сфер, где стабилизация одной происходит за счет дестабилизации другой.

В европейских странах исследователи отмечают, что изменения семейной жизни схожи с американскими наблюдениями, личная жизнь женщин стала более разнообразной и сложной [26], увеличивается число бездетных [30].

Признаком дестандартизации биографических моделей в России может служить статистика о возрасте вступления в брак. Данные таблицы свидетельствуют о динамике, в которой с начала 2000-х показатели заключения брака лиц в возрасте 25−34 лет превышают показатели, которые существовали 25 лет назад. А **к 2015 г. возрастная группа 25−34 лет среди женщин обогнала 18−24 летних по количеству заключенных браков.**

Таблица 1. *Браки по возрастам, %**
Table 1. *Marriages by age, % **

Годы/Years	Пол/Gender	Возраст, лет Age, years old			
		До 18 Under 18 years old	18−24	25−34	35 и более 35 and older
1990	мужчины men	1,1	52,5	29,5	16,9
	женщины women	5,5	59,0	20,7	14,8
1995	мужчины men	0,8	51,7	28,3	19,2
	женщины women	5,9	58,4	19,1	16,6
2000	мужчины men	0,4	45,1	33,8	20,7
	женщины women	3,3	57,0	23,7	16,0
2005	мужчины men	0,2	38,0	40,4	21,4
	женщины women	2,0	53,1	29,5	15,4
2010	мужчины men	0,1	30,7	46,5	22,7
	женщины women	1,0	45,6	37,1	16,3
2015	мужчины men	0,1	21,3	52,2	26,4
	женщины women	0,7	34,5	44,2	20,6
2018	мужчины men	0,1	19,1	51,1	29,7
	женщины women	0,5	32,0	43,3	24,2

*Рассчитано и составлено автором по источнику [31].
*Calculated and compiled by the author according to the new book [31].

Средний возраст материнства в 2014 г. составил 28,12 года, в том числе при рождении первого ребенка – 25,30; второго – 29,53; третьего ребенка – 32,21 года. Эти показатели не только намного выше тех, что наблюдались в 1990-х, когда они были минимальными за послевоенное время, но и превышают значения для 1970-х и 1980-х гг. Для первых трех очередностей рождения средний возраст материнства, по сравнению с первой половиной 1990-х гг., увеличился примерно на 2,5−3,0 года [32, с. 121]. На 31 декабря 2019 г. возраст рождения первого ребенка зафиксирован на 25,9 лет, а средний возраст материнства продолжает смещаться на более поздние сроки.

Такую тенденцию смещения материнства исследователи объясняют тем, что современные женщины откладывают его в целях профессионального становления и развития, а также закрепления на рабочем месте, пытаясь таким образом снизить карьерные риски и потери, связанные с рождением ребенка [33].

Исследования раннего материнства связывают его с девиацией, оно приобретает характер многоаспектности в связи с его стигматизацией и последствиями [34].

Социальная организация материнства на микроуровне представлена набором реализуемых женщиной материнских и репродуктивных, брачно-семейных моделей пове-

дения. Женщина, находясь в центре организации материнства, использует и задействует институциональные и неинституциональные инструменты для совмещения деятельности в приватной (брачно-семейные отношения) и публичной (самореализация и трудовая занятость) сферах.

Материнство в современном российском обществе − результат наследия воздействия советской политики, а также социальных и экономических изменений, наряду с распространением новых направлений родительства и материнства (суррогатное материнство, чайлд-фри, интенсивное или профессиональное материнство), проявление и последствия которых являются темой для обсуждения и работы политических, общественных и религиозных организаций, новым полем социологических исследований.

Описанные выше тенденции дестандартизации биографий не являются исчерпывающими. Более того, новые социальные практики, например изменение срока выхода на пенсию, которые будут еще больше трансформировать трудовые и семейные биографии, также нуждаются в изучении. Эти интерпретации уже не могут строиться на основе жестко институциализированных биографических моделей [11], а скорее нуждаются в новых, гибких и индивидуализированных. Важным остается вопрос механизмов воспроизводства неравенства, социальных и гендерных пределов индивидуализации.

Фокус внимания следует удерживать на том, что выявленные тенденции не являются одинаковыми для женщин различных социальных слоев. В частности, стабилизация трудоустройства проявляется в том, что наиболее образованные перешли к полной занятости и, как следствие, закрепили свой статус еще и в виде стабильного дохода. Очевидно, что дифференциация личной жизни в большей степени затронула именно эту группу. Для уязвимых, менее благополучных, групп раннее деторождение, материнство вне брака не являлись аномалией ранее и сохраняют свою тенденцию и сейчас.

Пределы индивидуализации связаны с навыком и опытом рефлексивности, понимаемой как способность к критическому суждению и познанию структурных возможностей и ограничений [16]. Очевидным является то, что для этой способности необходимым является хорошее образование и богатый социальный опыт, что делает ее ресурсом привилегированных. Это, в свою очередь, может углублять имеющиеся неравенства, даже внутри социальных групп.

Возможным вариантом сглаживания таких неравенств можно рассматривать деятельность вторичных институтов, которые, по мнению Бека, замещают традиционные социальные узы, создавая одновременно новые возможности, т. е. условия для индивидуализации, и новые рамки – «люки», которые эти возможности могут ограничить [14]. Так, государство в своей социальной политике создает механизмы, регулирующие рынок труда и образование, социальное страхование, делает индивидуализацию качественно новым явлением.

Флексибильность позволяет организовывать мужчинам и женщинам работу по всему миру в условиях гибкого графика, развивать новые формы, организующие их частную жизнь. В частности, использование Интернета и средств мобильной связи позволяет поддерживать длительные отношения вне личных встреч, легко создавать и разрывать их. Однако новый опыт социальной изоляции (в период эпидемии COVID-19), когда семьи вынуждены совмещать удаленную работу с иждивенческой и семейной нагрузкой внутри домашнего пространства, показал, что, несмотря на развитие эгалитарных установок, достаточно сильно сохранено традиционное распределение гендерных ролей.

Гендерные исследования, принимая во внимание комплексные и изменчивые или нестабильные положения женщин, а сегодня все чаще и мужчин, выдвигают требование тонкого инструментария социально-структурного анализа. Несмотря на свою спорность и неоднозначность, индивидуалистический подход вполне может претендовать на эту роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Walby S. Gender, class and stratification. Towards a new approach // Gender and Stratification. – Cambridge: Polity Press, 1996. – P. 93–96.
2. Стрельник Е.К. Гендерное неравенство: теоретико-методологические подходы к интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 147−154.
3. Oliver Melvin L., Shapiro Thomas M. Black wealth/white wealth: a new perspective on racial inequality. – New York: Routledge, 2006. – 360 p.
4. Reich M. Racial inequality: a political-economic analysis. – USA: Princeton University Press, 2017. – 358 p.
5. Тихонова Н.Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социс. – 2014. – № 10. – С. 23−35.
6. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социс. – 2020. – № 1. – С. 4–17.
7. Социальное неравенство и социально-структурные изменения / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, М.Ф. Черныш, Л.А. Семенова // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 26−51. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/global/Socialnoe_neravenstvo_i.pdf (дата обращения 12.05.2020).
8. Sen G., Iyer A., Mukherjee Ch. A methodology to analyse the intersections of social inequalities in health // Journal of Human Development and Capabilities. – 2009. – V. 10. – № 3. – P. 397–415.
9. Шпаковская Л.Л. Социальное исключение и стратегии его преодоления на пересечении этничности, класса и гендера // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – № 11 (2). – С. 235–250.
10. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Неравенство и социальное исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствие для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 181–194.
11. Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / под. ред. В. Воронкова, М. Соколова. – СПб: Алетейя, 2008. – 160 с.
12. Многомерная социальная мобильность в современной России: монография / Ю.Б. Епихина, Н.С. Мастикова, И.П. Попова, Д.Ф. Терин, М.Ф. Черныш. – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. − 112 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Mnogomernaya_soc_mobilnost_2018.pdf (дата обращения 12.05.2020).
13. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография / отв. ред. В.В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Soc_mobilnost_uslozhn_obschestve_2019.pdf (дата обращения 20.05.2020).
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.
15. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
16. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с.
17. Ерофеева П. Индивидуальное и структурное в социальной мобильности в контексте индивидуализации: обзор эмпирических исследований // Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. – № 2. – С. 107–150.
18. Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 77 – 98.
19. Романова Н.П. Место женщин в социально-стратификационной структуре российского общества // Вестник ЗабГУ. – 2009. – № 2 (53). – С. 124–134.
20. Ренн Ж. Отношения между полами в узле расовых, возрастных и классовых отношений: гендерные исследования и дебаты во Франции в первом десятилетии XXI века // Laboratorium. – 2011. – № 3. – С. 143–162.
21. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.
22. Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 3−16.

23. Силласте Г.Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 4–13.
24. Stainback K., Kleiner S., Skaggs S. Women in power: undoing or redoing the gendered organization? // Gender & Society. – 2015. – V. 30. – № 1. – P. 109–135.
25. Broadbridge A., Simpson R. 25 years on: reflecting on the past and looking to the future in gender and management research // British Journal of Management. – 2015. – V. 22. – № 3. – P. 470–483.
26. Markus G., Ziefle A. Motherhood, labor force behavior, and women's careers: an empirical assessment of the wage penalty for motherhood in Britain, Germany, and the United States // Demography. – 2011. – V. 46. – P. 341–369.
27. Кранзеева Е.А. Социальные различия и барьеры в женской трудовой занятости // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования: сборник научных трудов. – Кемерово: КемГУ, 2016. – С. 318–322.
28. Пишняк А.И., Надеждина Е.В. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // The Journal of Social Policy Studies. – 2020. – Т. 18. – 2. – С. 221–238.
29. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 524 с.
30. Zhou M. Motherhood, employment, and the dynamics of women's gender attitudes // Gender & Society. – 2017. – V. 31. – № 6. – P. 751–776.
31. Демографический ежегодник России. 2019. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2019. – 252 с.
32. Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 357 с.
33. Ипатова А.А., Тындик О.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. – 2015. – № 4. – С. 123–148.
34. Орлова В.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Антипова Е.А. Раннее материнство как многоаспектный и многофакторный феномен // Векторы благополучия. – 2020. – № 1 (36). – С. 1–11. URL: http://jwt.su/journal/article/view/1009/1024 (дата обращения 20.05.2020).

Поступила 04.06.2020 г.

UDC 316.346.2:316.422.035.2

SOCIOLOGICAL MICROANALYSIS OF GENDER INEQUALITY: CHALLENGES TO INDIVIDUALIZATION

Elena A. Kranzeeva,
elkranzeeva@mail.ru

Kemerovo State University,
6, Krasnaya street, Kemerovo, 650000, Russia.

Elena A. Kranzeeva, Cand. Sc., associate professor, head of the department of sociological sciences.

The relevance *of the research is caused by the attention to «new inequalities» and their measurements from the point of view of microsociological analysis. The author notes that structured individualization, which means the principle of formation of biographical trajectories, in which the influence of social circumstances coexists with subjective factors, can be applied to gender inequalities.* ***The aim*** *of this research is to identify manifestations of structured individualization through the prism of gender change.* ***The methods:*** *comparative analysis and analysis of statistical data, which make it possible to identify the relationship between biographical trajectories and relevant structural factors. The manifestation of structured individualization is considered through the destandardization of biographies and their differentiation. The signs of destandardization of labor and family biographies of modern women were revealed. For Russia, they are manifested in the emergence of new gender contracts, changes in marital behavior and motherhood. Motherhood in modern Russian society is the result of the legacy of the impact of Soviet politics, as well as social and economic changes, along with the spread of new directions of parenting and motherhood (surrogacy, childfree, intensive or professional motherhood). Individualization manifests itself differently for men and women, even within social groups. The tendencies of biographies destandardization described in the article are not exhaustive. New social practices, for example, changing the retirement period, which will further transform work and family biographies, also need to be studied. The individualistic approach, despite its limitations, can claim to be a tool for the socio-structural analysis of modern society.*

Key words: *Structured individualization, female, work biographies, family biographies, motherhood, destandardization of biographies, flexibility.*

REFERENCES

1. Walby S. Gender, class and stratification. Towards a new approach. *Gender and Stratification*. Cambridge, Polity Press, 1996. pp. 93–96.
2. Strelnik E.K. Gendernoe neravenstvo: teoretiko-metodologicheskie podkhody k interpretatsii [Gender inequality: theoretical and methodological approaches to interpretation]. *Sotsiologiya: teoriya*, *metody*, *marketing*, 2005, no. 4, pp. 147–154.
3. Oliver Melvin L., Shapiro Thomas M. *Black wealth/white wealth: a new perspective on racial inequality*. New York, Routledge, 2006. 360 p.
4. Reich M. *Racial inequality: a political-economic analysis*. USA, Princeton University Press, 2017. 358 p.
5. Tikhonova N.E. Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitelnoy znachimosti [Stratification factors in modern Russia: dynamics of comparative significance]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 10, pp. 23–35.
6. Lapin N.I., Ilin V.A., Morev M.V. Ekstremalnye neravenstva i sotsialnoe gosudarstvo (chast 1) [Extreme inequalities and the welfare state (part 1)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, no. 1, pp. 4–17.

7. Golenkova Z.T., Igitkhanyan E.D., Chernysh M.F., Semenova L.A. Sotsialnoe neravenstvo i sotsialno-strukturnye izmeneniya [Social inequality and socio-structural change]. *Rossiya v globalnykh protsesskakh: poiski perspektivy*. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2008. pp. 26–51. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/global/Socialnoe_neravenstvo_i.pdf (accessed 12 May 2020).
8. Sen G., Iyer A., Mukherjee Ch. A Methodology to analyse the intersections of social inequalities in health. *Journal of Human Development and Capabilities*, 2009, vol. 10, no. 3, pp. 397–415.
9. Shpakovskaya L.L. Sotsialnoe isklyuchenie i strategii ego preodoleniya na peresechenii etnichnosti, klassa i gendera [Social exclusion and strategies for overcoming it at the intersection of ethnicity, class and gender]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2013, no. 11, pp. 235–250.
10. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Neravenstvo i sotsialnoe isklyuchenie v povsednevnom obshchenii: teoreticheskie osnovaniya i sledstvie dlya sotsialnoy politiki [Inequality and social exclusion in everyday communication: theoretical foundations and consequences for social policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 181–194.
11. *Sotsialnoe neravenstvo. Izmeneniya v sotsialnoy strukture: evropeyskaya perspektiva* [Social inequality. Changes in social structure: a European perspective]. Eds. V. Voronkova, M. Sokolova. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2008. 160 p.
12. Epikhina Yu.B., Mastikova N.S., Popova I.P., Terin D.F., Chernysh M.F. *Mnogomernaya sotsialnaya mobilnost v sovremennoy Rossii: monografiya* [Multidimensional social mobility in modern Russia: monograph]. Moscow, Institut sotsiologii FNISTS RAN Publ., 2018. 112 p. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Mnogomernaya_soc_mobilnost_2018.pdf (accessed 12 May 2020).
13. *Sotsialnaya mobilnost v uslozhnyayushchemsya obshchestve: obektivnye i subektivnye aspekty: monografiya* [Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects: monograph]. Eds. V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow, FNISC RAN Publ., 2019. 512 p. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Soc_mobilnost_uslozhn_obschestve_2019.pdf (accessed 20 May 2020).
14. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. On the way to another modernity]. Moscow, Progress-traditsiya Publ., 2000. 381 p.
15. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p.
16. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The organization of society: an outline of the theory of structuration]. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2003. 525 p.
17. Erofeeva P. Individualnoe i strukturnoe v sotsialnoy mobilnosti v kontekste individualizatsii: obzor empiricheskikh issledovaniy [Individual and structural in social mobility in the context of individualization: a review of empirical research]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2015, vol. 14, no. 2, pp. 107–150.
18. Khuber Dzh. Teoriya gendernoy stratifikatsii [Gender stratification theory]. *Antologiya gendernoy teorii*. Minsk, Propilei Publ., 2000. pp. 77–98.
19. Romanova N.P. Mesto zhenshchin v sotsialno-stratifikatsionnoy strukture rossiyskogo obshchestva [The place of women in the social and stratification structure of Russian society]. *Vestnik ZabGU*, 2009, vol. 53, no. 2, pp. 124–134.
20. Renn Zh. Otnosheniya mezhdu polami v uzle rasovykh, vozrastnykh i klassovykh otnosheniy: gendernye issledovaniya i debaty vo Frantsii v pervom desyatiletii XXI veka [Relations between the sexes at the knot of racial, age and class relations: gender studies and debates in France in the first decade of the 21st century]. *Laboratorium*, 2011, no. 3, pp. 143–162.
21. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii* [12 lectures on gender sociology]. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2015. 768 p.
22. Sillaste G.G. Sotsialnye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka [Social transitions and the formation of a new gender order]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2019, no. 2, pp. 3−16.
23. Sillaste G.G. Stranovoy genderny landshaft kak faktor formirovaniya novogo gendernogo poryadka, ego sotsialnye riski [Social transitions and the formation of a new gender order]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2019, no. 3, pp. 4−13.
24. Stainback K., Kleiner S., Skaggs S. Women in power: undoing or redoing the gendered organization? *Gender & Society*, 2015, vol. 30, no. 1, pp. 109–135.
25. Broadbridge A., Simpson R. 25 years on: reflecting on the past and looking to the future in gender and management research. *British Journal of Management*, 2015, vol. 22, no. 3, pp. 470–483.
26. Markus G., Ziefle A. Motherhood, labor force behavior, and women's careers: An empirical assessment of the wage penalty for motherhood in Britain, Germany, and the United States. *Demography*, 2011, vol. 46, pp. 341–369.
27. Kranzeeva E.A. Sotsialnye razlichiya i barery v zhenskoy trudovoy zanyatosti [Social differences and barriers to female employment]. *Chelovecheskie resursy: problemy innovatsionnogo razvitiya i ispolzovaniya:*

sbornik nauchnykh trudov [Chelovecheskiye resursy: problemy innovatsionnogo razvitiya i ispolzovaniya: sbornik nauchnykh trudov]. Kemerovo, KemGU Publ., 2016. pp. 318–322.

28. Pishnyak A.I., Nadezhdina E.V. Zanyatost rossiyskikh zhenshchin posle rozhdeniya detey: stimuly i barery [Employment of Russian women after childbirth: incentives and barriers]. *The Journal of Social Policy Studies*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 221–238.
29. *Novy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti: kollektivnaya monografiya* [New way of life in modern Russia: gender studies of everyday life: a collective monograph]. Eds. E.A. Zdravomyslova, A. Rotkirh, A.A. Temkina. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2009. 524 p.
30. Zhou M. Motherhood, employment, and the dynamics of women's gender attitudes. *Gender & Society*, 2017, vol. 31, no. 6, pp. 751–776.
31. *Demograficheskiy yezhegodnik Rossii. 2019. Statisticheskiy sbornik* [Demographic yearbook of Russia. 2019. Statistical compilation]. Moscow, Rosstat Publ., 2019. 252 p.
32. *Naselenie Rossii 2014: dvadtsat vtoroy ezhegodny demograficheskiy doklad* [Population of Russia 2014: twenty-second annual demographic report]. Executive editor S.V. Zakharov. Moscow, High School of Economics Publ., 2016. 357 p.
33. Ipatova A.A., Tyndik O.O. Reproduktivny vozrast: 30-letniy rubezh v predpochteniyakh i biografiyakh [Reproductive age: 30-year-old in preferences and biographies]. *Mir Rossii*, 2015, no. 4, pp. 123–148.
34. Orlova V.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V., Antipova E.A. Early motherhood as a multi-aspect and multifactor phenomenon. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2020, no. 1 (36), pp. 1–11. In Rus. Available at: http://jwt.su/journal/article/view/1009/1024 (accessed 20 May 2020).

Received: 4 June 2020.